

Личный
взгляд
воспоминания
материалы
документы

Юлия Аксельрод

**МОЙ ДЕД
ЛЕВ ТРОЦКИЙ**
И ЕГО СЕМЬЯ

Юлия Аксельрод
Мой дед Лев Троцкий и его семья

«Центрполиграф»

2013

Аксельрод Ю. С.

Мой дед Лев Троцкий и его семья / Ю. С. Аксельрод —
«Центрполиграф», 2013

Юлия Сергеевна Аксельрод – внучка Л.Д. Троцкого. В четырнадцать лет за опасное родство Юля с бабушкой и дедушкой по материнской линии отправилась в Сибирь. С матерью, Генриеттой Рубинштейн, второй женой Сергея – младшего сына Троцких, девочка была знакома в основном по переписке. Сорок два года Юлия Сергеевна прожила в стране, которая называлась СССР, двадцать пять лет – в США. Сейчас она живет в Израиле, куда уехала вслед за единственным сыном. Имея в руках письма своего отца к своей матери и переписку семьи Троцких, она решила издать эти материалы как историю семьи. Получился не просто очередной труд троцкианы. Перед вами трагическая семейная сага, далекая от внутривнутрипартийной борьбы и честолюбивых устремлений сначала руководителя государства, потом жертвы созданного им режима.

© Аксельрод Ю. С., 2013

© Центрполиграф, 2013

Содержание

Вступление	7
Часть первая	11
По статье А. Пасюты: Земляки Троцкого: «Проклятие его золота убило наших селян»	11
Из книги Льва Троцкого «Моя жизнь»	14
Из книги Б.Я. Фрезинского «Предисловие к публикации. Письма А.Л. Соколовской и А.А. Иоффе[10] Л.Д. Троцкому»	19
Из книги Д. А. Волкогонова «Троцкий. Политический портрет». Кн. 1	21
По книге Натальи Седовой и Виктора Сержа «Жизнь и смерть Льва Троцкого» (перевод отрывков с англ. и примечания Юлии Аксельрод)	24
По книге Натальи Седовой и Виктора Сержа «Жизнь и смерть Льва Троцкого»	26
Из книги Д. А. Волкогонова «Троцкий. Политический портрет». Кн. 1	28
Из книги Н. Седовой и В. Сержа «Жизнь и смерть Льва Троцкого» (Глава «Тюрьма, суд, побег и эмиграция»)	32
Из книги Н. Иоффе[26] «Время назад. Моя жизнь, моя судьба, моя эпоха»	34
Из воспоминаний Н. Седовой	35
Из писем А.Л. Соколовской Л.Д. Троцкому	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

**Юлия Сергеевна Аксельрод
Мой дед Лев Троцкий и его семья.
Личный взгляд. Воспоминания,
материалы, документы**

Юлия Сергеевна Аксельрод – внучка Л.Д. Троцкого.

В четырнадцать лет за опасное родство Юля с бабушкой и дедушкой по материнской линии отправилась в ссылку в Сибирь. С матерью, Генриеттой Рубинштейн, второй женой Сергея – младшего сына Троцких, девочка была знакома в основном по переписке.

Сорок два года Юлия Сергеевна прожила в стране, которая называлась СССР, двадцать пять лет – в США. Сейчас она живет в Израиле, куда уехала вслед за единственным сыном.

Имея в руках письма своего отца к своей матери и переписку семьи Троцких, она решила издать эти материалы как историю семьи. Получился не просто очередной труд троцкианы. Перед вами трагическая семейная сага, далекая от внутривнутрипартийной борьбы и честолюбивых устремлений сначала руководителя государства, потом жертвы созданного им режима

Примечание редакции

Вступление

Эта книга о моей родне – родне с материнской стороны, я их всех хорошо знала и любила, и родне с отцовской стороны – я узнала об их существовании, когда мне было лет пятнадцать – шестнадцать. Сейчас мне семьдесят три года, обстоятельства сложились так, что я оказалась в чужом для меня месте, и, чтобы хоть как-то скрасить свое существование, я решила попытаться выстроить хронологическую цепочку событий, происшедших с моей родней.

Мне очень помог в этом Юрий Фельштинский. Без его трудов я ничего бы не смогла сделать. Занявшись этой книгой, я по-настоящему оценила вклад Сергея Ларькова и Анатолия Ильина, нашедших архивные документы необыкновенной для меня ценности. Я использовала

также отрывки из мемуаров моего дяди Бориса Рунина «Мое окружение» для показа бытового фона тех времен.

Приношу глубокую благодарность Леоноре Сороке (США) и Евгении Крамаровой (Израиль), оказавшим значительную помощь в подготовке этой книги к печати. Я благодарна также Рипсимэ Долныковой, обсуждавшей со мной в Израиле многие страницы этой книги, а ныне живущей в Москве.

Юлия Аксельрод

Часть первая

Лев Давидович Троцкий

Яновка, Одесса. 1879–1929 годы

По статье А. Пасюты: Земляки Троцкого: «Проклятие его золота убило наших селян»

На родине отца революции

Вот уже несколько месяцев на родине выдающегося революционера Льва Троцкого только и разговоров что о земляке. После десятков лет забвения и ненависти отечественная история повернулась к политическому передому, и в родных краях решили – этот человек достоин отдельной улицы, музея и даже памятника. Начали с последнего. Такое решение по случаю 130-летия Льва Троцкого принял горсовет Бобринца (Кировоградская область). «Общественный совет принял решение единогласно, – рассказывает городской голова Леонид Кравченко. – Но мы не ожидали, что это вызовет такой резонанс и в Украине, и в России. Националисты стали упрекать нас, что мы хотим увековечить память тирана и убийцы миллионов людей, а коммунисты – кричать: «Как можно врагу народа ставить памятник?!»

У нас свое мнение: этот человек известен во всем мире как талантливый политик и публицист, он сегодня имеет миллионы последователей в мире, его работы изучают в институтах. И это наш земляк». В Бобринце надеются также, что таким образом смогут привлечь в эти края туристов, которые захотят посетить места, где родился революционер.

Правда, как оказалось, смотреть в селе Яновка (ныне Береславка), где родился революционер, уже совсем нечего.

Отказался от синагоги

В этом умирающем селе всего полсотни жителей, самому молодому – пятьдесят семь лет. Любимое развлечение дедов Береславки: под рюмочку мутной самогонки поругать современную власть да вспомнить, как жилось при власти старой. На втором месте – разговоры о земляке, который стоял у истоков зарождения той самой старой власти – советской. «Мы никогда не считали Троцкого врагом народа, – начинает разговор земляк знаменитого политика, семидесятидвухлетний Александр Федорчук. – Конечно, вслух своих соображений никто не высказывал – боялись. Но в каждой семье хранили какую-то историю, связанную с Лейбой, и плохих воспоминаний среди них не было».

Лейба родился у Бронштейнов как раз в тот год, когда они переехали в Яновку. Когда мальчишке исполнилось пять лет, отец стал одним из крупнейших местных помещиков. У него на хуторе постоянно трудились 19 крестьян села Яновки. На его мельницу все крестьяне везли свое зерно. Давид Бронштейн основал собственный кирпичный заводик, выпускавший продукцию с клеймом «Б». Хуторяне помнят рассказы старожилов, что Давид Бронштейн, отец Троцкого, был очень резким и жестким человеком. Сын был другим – однажды, приехав на каникулы с учебы, он увидел, что рабочие отца едят из корыт. Уже на следующий день из города доставили новую посуду и столовые приборы. Причем тарелки были фарфоровые. Больше у Бронштейна из корыт не ели.

«На добро люди ответили добром, – рассказывает краевед Неля Самборська. – Однажды, тайно вернувшись из-за границы из очередной ссылки, Лейба решил пересидеть у отца в име-

нии, но на него донесли, и целый отряд полиции отправился его арестовывать. Так сельчане спрятали молодого Троцкого на дно повозки, закидали навозом и так вывезли из имения¹.

Сидя на лавочке, старики вспоминают одну историю за другой, мол, тому бабка рассказывала, что Лейба еще в пять лет отказался посещать синагогу и бегал к крестьянам учиться плести лапти из соломы, а другому дед говорил, что учил играть Троцкого на сопилке².

Спас от голода

Кстати, когда вся страна переходила по инициативе наркома от военного коммунизма к нэпу, в родном селе, как и во всей Украине, начался голод. «По его указанию из Кировограда в Яновку привезли продукты – мешки с зерном и крупы. Так земляки были спасены от голода». Сегодня на месте некогда богатого имения Бронштейнов – глухая, поросшая бурьяном степь и черные поля. Только наметанный глаз вычислит места, где стояла усадьба, синагога³ и хозяйской постройки. «Уничтожали все специально, чтобы никто даже не вспоминал о Бронштейнах, – сокрушается Федорчук. – Усадьба долго была школой, а потом ее решили снести, мол, она уже ветхая». Ее растащили местные жители, сегодня кирпич с буквой «Б» есть в каждой хате Береславки. «Все уничтожили очень разумно, – подводит итог Самборська, – и если бы не воспоминания старожилов, то можно было бы подумать, что в Яновке Лейба Бронштейн никогда и не родился».

Родственницу увели с урока

Не по иронии судьбы, а для услады честолюбия вождя колхоз в селе Береславка был назван его именем. Так даже в мелочах Сталин мстил заклятому врагу. В 30-х годах он планомерно уничтожал «троцкистов» в Кремле, в Москве и по всей стране, не забывая и о крохотной Береславке. «До 1930-х годов в школе работала учительницей Катерина Гуренко, – вспоминает самый старший житель села, девяностотрехлетний дед Иван. – Я ее помню. Родители тогда шептались, что она родственница Троцкого и что ей бежать нужно из этих мест. Но она верила в советскую власть, искренне считала своего родственника врагом народа и не хотела даже думать, что ей грозит опасность. Потом на нее, видно, кто-то донес. В какой-то из дней за ней пришли прямо в школу люди из города, забрали посреди урока». Когда началась Вторая мировая война, в колхозе имени Сталина уже не осталось никого из Бронштейнов. Односельчане боялись даже дома произносить их имена. Примечательно, что об убийстве земляка в далекой Мексике в Яновке узнали только через пять лет. Эту весть в село после войны принесли вернувшиеся солдаты.

Мемуары стали бестселлером

В конце 20-х годов прошлого века Лев Троцкий взялся за написание мемуаров. Две главы книги «Моя жизнь» он посвятил Яновке. Впервые он подробно рассказал о семье и тех местах, где прошло его детство, где он познавал мир. После убийства Троцкого книга стала бестселлером в США и Великобритании. За год она переиздавалась дважды, было продано около трех миллионов экземпляров. При этом в СССР, где все делалось для того, чтобы даже имя революционера было забыто, книга впервые попала только в 1990-х годах. «Интересно, что Лев Давидович не написал ни о ком из тех, кто в это время жил в Яновке, – замечает краевед Неля Самборська. – Скорее всего, он боялся, что этих людей будут преследовать. Хотя, увы, эти

---

¹ Воспоминания земляков, как обычно в таких случаях, носят характер легенды. (Примеч. ред.)

² Сопилка – дудочка (укр.).

³ Синагоги в Яновке не было и не могло быть. Для устройства синагоги необходимо постоянное присутствие в населенном пункте не менее десяти взрослых мужчин-евреев (миньян). Л. Троцкий сообщает, что «в большие праздники родители ездили в колонию в синагогу» (см. ниже). (Примеч. ред.)

предосторожности не помогли. До 1935 года ни в Яновке, ни в Бобринце не осталось никого, кто был близок к этой семье. Всех уничтожили».

«Ни парламентские дебаты, ни дипломатические акты, ни даже динамитные взрывы не доносили своих отголосков до деревни Яновки... В необъятных степях Херсонской губернии и всей Новороссии жило особыми законами царство пшеницы и овец. Оно было прочно ограждено от вторжения политики своими пространствами и отсутствием дорог... От Яновки до ближайшего почтового отделения – 23 километра. Отсюда далеко до начальства, до магазинов, до городских центров и еще дальше до больших событий истории. Жизнь здесь регулируется исключительно ритмом земледельческого труда. Газет и журналов в деревне в те годы не читали. Письма получались редко, с оказией. Иной раз сосед, захвативший из Бобринца письмо, носил его неделю или две в кармане».

Великий «Иуда»

...На родине, вплоть до 1980-х годов, за хранение любых материалов о Троцком грозила тюрьма. А учителя и сотрудники музеев, рассказывая о становлении советской власти, говорили о Троцком как о величайшем «Иуде».

Легенда: за разграбленную могилу заплатили жизнью

Всего в километре от Береславки, посреди черных полей есть нетронутый, весь в сухих бурьянах, коричневый островок земли. «Это – старое еврейское кладбище, точнее, то, что от него осталось, – поясняет наш проводник из села. – Где-то здесь нужно искать колодец и огромную мраморную плиту с надгробием Анны Бронштейн, матери Троцкого». Именно с этой могилой в селе связана одна из самых жутких местных легенд. Жители рассказывают, что уже в 1960-х годах еврейское кладбище было разгромлено, уцелела только могила матери и огромная мраморная плита на ней. «Но слухи о том, что старый Бронштейн положил рядом с любимой женой золотые украшения и серебряную утварь, не давали покоя многим авантюристам в нашей деревне, – вспоминает дед Александр Григорьевич. – И вот однажды двое трактористов подцепили к трактору мраморную плиту, рванули ее и залезли в могилу. Говорят, что золото они там нашли. Но счастья оно им не принесло. Буквально в том же месяце один из них попал под колеса трактора и умер по дороге в больницу. А другой погиб той же осенью. Загорелся его дом, в котором были дети и жена, он кинулся спасать, но уже не вышел из горящего дома, его привалило упавшей балкой. В селе эти смерти связывают с разграблением могилы Бронштейнов». После того случая место, где было кладбище, трактористы аккуратно объезжают, а огромную мраморную плиту с именем Анны Бронштейн трогать никто не решается. Правда, найти ее не так просто. «Пройдет еще года два, и здесь ничего нельзя будет обнаружить, – расстраиваются жители Береславки. – Недавно приезжали сюда на джипе несколько человек, представители очень богатого человека. Все фотографировали, обещали плиту забрать на реставрацию в Киев и колодец восстановить, но пока что-то их не слышно».

Из книги Льва Троцкого «Моя жизнь»

[1879]

Мое детство не было детством голода и холода. Ко времени моего рождения родительская семья уже знала достаток. Но это был суровый достаток людей, поднимающихся из нужды вверх и не желающих останавливаться на полдороге. Все мускулы были напряжены, все помыслы направлены на труд и накопление. В этом обиходе детям доставалось скромное место. Мы не знали нужды, но мы не знали и щедростей жизни, ее ласк. Мое детство не представляется мне ни солнечной поляной, как у маленького меньшинства, ни мрачной пещерой голода, насилий и обид, как детство многих, как детство большинства. Это было сероватое детство в мелкобуржуазной семье, в деревне, в глухом углу, где природа широка, а нравы, взгляды, интересы скудны и узки.

...Покупных игрушек я в детстве почти не имел. Раз только из Харькова мать привезла мне бумажную лошадку и мяч. С младшей сестрой я играл в самодельные куклы. Однажды тетя Феня и тетя Раиса, сестры отца, сделали нам несколько кукол из тряпочек, и тетя Феня навела карандашом глаза, рот и нос. Куклы казались необыкновенными, я помню их и сейчас. В один из зимних вечеров Иван Васильевич, наш машинист, вырезал и склеил из картона вагон с окнами и на колесах. Старший брат, приехавший на Рождество, сразу заявил, что сделать такой вагон можно в два счета. Он начал с того, что расклеил мой вагон, вооружился линейкой, карандашом и ножницами, долго чертил, а когда по чертежу отрезал, то вагон у него не сошелся.

...Отец мой был земледельцем, сперва мелким, затем более крупным. Мальчиком он покинул со своей семьей еврейское местечко в Полтавской губернии, чтоб искать счастья на вольных степях Юга. В Херсонской и Екатеринославской губерниях имелось в те годы около сорока еврейских земледельческих колоний с населением около 25 000 душ. Еврей-земледельцы были уравниены с крестьянами не только в правах (до 1881 г.), но и в бедности. Неумолимым, жестоким, беспощадным к себе и к другим трудом первоначального накопления отец мой поднимался вверх.

...Отец и мать прошли через свою трудовую жизнь не без трений, но в общем очень дружно, хотя были они разные люди. Мать вышла из городской мещанской семьи, которая сверху вниз смотрела на хлебороба с потрескавшимися руками. Но отец был в молодости красив, строен, с мужественным и энергичным лицом. Он успел собрать кое-какие средства, которые в ближайшие годы дали ему возможность купить Яновку. Переброшенная из губернского города в степную деревню, молодая женщина не сразу вошла в суровые условия сельского хозяйства, но зато вошла полностью и с той поры не выходила из трудовой упряжки в течение почти сорока пяти лет. Из восьми рожденных от этого брака детей выжило четверо. Я был пятым в порядке рождения. Четверо умерли в малых летах от дифтерита, от скарлатины, умерли почти незаметно, как и выжившие жили незаметно. Земля, скот, птица, мельница требовали всего внимания без остатка. Времена года сменяли друг друга, и волны земледельческого труда перекачивались через семейные привязанности. В семье не было нежности, особенно в более отдаленные годы. Но была глубокая трудовая связь между матерью и отцом. «Поддай матери стул», – говорил отец, как только мать приближалась к порогу, покрытая белой пылью мельницы. «Ставь, Машка, скорей самовар, – кричала хозяйка, еще не дойдя до дому. – Скоро хозяин будет с поля». Оба они хорошо знали, что такое предельная усталость тела.

...Долгими зимами, когда степным снегом заносило Яновку со всех сторон, наваливая сугробы выше окон, мать любила читать. Она садилась на небольшой треугольной лежанке в столовой, ставя ноги на стул, или, когда надвигались ранние зимние сумерки, пересаживалась в отцовское кресло, к маленькому обмерзшему окну и громким шепотом читала заношенный

роман из Бобринецкой библиотеки, водя натруженным пальцем по строкам. Она нередко сбивалась в словах и запинаясь на сложно построенной фразе. Иногда подсказка кого-либо из детей совсем по-иному освещала в ее глазах прочитанное. Но она читала настойчиво, неутомимо, и в свободные часы зимних тихих дней можно было уже в сенах слышать ее размеренный шепот.

Отец научился разбирать по складам⁴ уже стариком, чтобы иметь возможность читать хотя бы заглавия моих книг. Я с волнением следил за ним в 1910 г. в Берлине, когда он настойчиво стремился понять мою книжку о немецкой социал-демократии.

Октябрьская революция застигла отца очень зажиточным человеком. Мать умерла еще в 1910 г., но отец дожил до власти Советов. В разгар гражданской войны, которая особенно долго свирепствовала на юге, сопровождаясь постоянной сменой властей, семидесятипятилетнему старику пришлось сотни километров пройти пешком, чтоб найти временный приют в Одессе. Красные были ему опасны, как крупному собственнику. Белые преследовали его, как моего отца. После очищения юга советскими войсками он получил возможность прибыть в Москву. Октябрьская революция отняла у него, разумеется, все, что он нажил. Свыше года он управлял небольшой государственной мельницей под Москвой. С ним любил беседовать по хозяйственным вопросам тогдашний народный комиссар продовольствия Цюрупа. Отец умер весной 1922 г. от тифа в тот час, когда я выступал с докладом на IV конгрессе Коминтерна.

...Во время каникул я бывал за счетовода, т. е. попеременно со старшим братом и старшей сестрой записывал в книгу нанятых рабочих, условия найма и отдельные выдачи продуктами и деньгами. При расчетах с рабочими я нередко помогал отцу, и тут у нас вспыхивали короткие, приглушенные присутствием рабочих столкновения. Обманов при расчете никогда не было, но условия договора истолковывались всегда жестко. Рабочие, особенно постарше, замечали, что мальчик тянет их руку, и это раздражало отца.

После резких столкновений я уходил из дому с книгой, не возвращался иногда и к обеду. Однажды во время такой ссоры застигла меня в поле гроза: гром грохотал без перерывов, степной дождь захлебывался от обилия воды, молнии, казалось, искали меня то с одной, то с другой стороны. Я прогуливался взад и вперед, весь мокрый, в чавкающих башмаках и в картузе, похожем на водосточный раструб. Когда я пришел домой, все молча и искоса глядели на меня. Сестра дала мне переодеться и поесть.

После каникул я возвращался обычно с отцом. При пересадках носильщика не брали, вещи несли сами. Отец брал что потяжелее, и я видел по его спине и по вытянутым рукам, что ему тяжело. Мне было жалко отца, и я старался нести, что мог. Когда же случался большой ящик с деревенскими гостинцами для одесской родни, то брали носильщика. Платил отец скупно, носильщик бывал недоволен, сердито крутил головой. Я всегда переживал это болезненно. Когда ездил один и приходилось прибегать к носильщикам, то я быстро расточал свои карманные деньги, всегда опасаясь недодать и беспокойно заглядывая носильщику в глаза. Это была реакция на прижимистость в родительском доме, и она осталась на всю жизнь.

И в деревне, и в городе я жил в мелкобуржуазной среде, где главные усилия направлены были на приобретение. По этой линии я оттолкнулся и от деревни моего раннего детства, и от города моих школьных годов. Инстинкты приобретательства, мелкобуржуазный жизненный уклад и кругозор – от них я отчалил резким толчком, и отчалил на всю жизнь.

В религиозной и национальной области город и деревня не противоречили друг другу, наоборот, с разных сторон дополняли друг друга. Религиозности в родительской семье не было. Сперва видимость ее еще держалась по инерции: в большие праздники родители ездили в колонию⁵ в синагогу, по субботам мать не шила, по крайней мере открыто. Но и эта обрядовая

---

⁴ По-русски. Еврейскому чтению он, как было принято, обучался в детстве. (Примеч. ред.)

⁵ В царствование Екатерины II в Новороссии были организованы еврейские сельскохозяйственные колонии, в каком-то

религиозность ослабевала с годами, по мере того как росли дети и рядом с ними благосостояние семьи. Отец не верил в бога с молодых лет и в более поздние годы говорил об этом открыто при матери и детях. Мать предпочитала обходить этот вопрос, а в подходящих случаях поднимала глаза к небесам.

О революционных вопросах в школе при мне еще не было речи. Шепотом передавали, что в частном гимнастическом зале у чеха Новака собирались какие-то кружки, что были аресты, что именно за это Новак, преподававший у нас гимнастику, уволен из училища и заменен офицером. В кругу людей, с которыми я был связан через семью Шпенцера⁶, режимом были недовольны, но считали его незыблемым. Самые смелые мечтали о конституции через несколько десятков лет. О Яновке и говорить нечего. Когда после окончания училища я явился в деревню со смутными демократическими идеями, отец сразу насторожился и враждебно сказал: «Этого не будет еще и через триста лет». Он был уверен в тщете реформаторских усилий и боялся за сына. В 1921 г., когда, спасшись от белых и красных опасностей, отец прибыл ко мне в Кремль, я шутя сказал ему: «А помните, вы⁷ говорили, что царских порядков еще на триста лет хватит?» Старик лукаво улыбнулся и ответил по-украински: «Пусть на сей раз твоя правда старше...»

[1898]

При общей облаве в январе 1898 г. я был арестован...

Старая николаевская тюрьма совсем не была приспособлена для политических, да еще в таком числе. Я попал в одну камеру с молодым переплетчиком Явичем. Камера была очень велика, человек на тридцать, без всякой мебели и еле отапливалась. В двери был большой квадратный вырез в коридор, открытый прямо на двор. Стояли январские морозы. На ночь нам клали на пол соломенный, а в шесть утра выносили его. Подниматься и одеваться было мукой. В пальто, в шапках и калошах мы садились с Явичем плечо к плечу на пол и, упершись спинами в чуть теплую печь, грезили и дремали час-два. Это было, пожалуй, самое счастливое время дня. На допрос нас не звали. Мы бегали из угла в угол, чтоб согреться, предавались воспоминаниям, догадкам и надеждам. Я стал заниматься с Явичем науками. Так прошло недели три. Потом наступила перемена. Меня вызвали в тюремную контору с вещами и передали двум рослым жандармам, которые перевезли меня на лошадях в херсонскую тюрьму.

Это было еще более старое здание. Камера была просторная, но с узким, наглухо заделанным окном в тяжелом железном переплете, едва пропускавшем свет. Одиночество было полное, абсолютное, беспросветное. Ни прогулок, ни соседей. Из заделанного по-зимнему окна ничего не было видно. Передач с воли я не получал. У меня не было ни чая, ни сахара. Арестантскую похлебку давали раз в день, в обед. Паек ржаного хлеба с солью служил мне завтраком и ужином. Я вел с собой длинные диалоги о том, имею ли я право увеличить утреннюю порцию за счет вечерней. Утренние доводы казались вечером бессмысленными и преступными. За ужином я ненавидел того, который завтракал. У меня не было смены белья. Три месяца я носил одну и ту же пару. У меня не было мыла. Тюремные паразиты ели меня заживо. Я давал себе урок: пройти по диагонали тысячу сто одиннадцать шагов. Мне шел девятнадцатый год. Изоляция была абсолютная, какой я позже не знал нигде и никогда, хотя побывал в двух десятках тюрем. У меня не было ни одной книги, ни карандаша, ни бумаги. Камера не проветривалась. О том, какой в ней воздух, я судил по гримасе помощника начальника, когда он входил ко мне. Я откусывал кусочек тюремного хлеба, ходил по диагонали и сочинял стихи. Народническую «дубинушку» я переделал на пролетарскую «машинушку». Я сочинил революционную «кама-

---

виде просуществовавшие до Второй мировой войны. Здесь, вероятно, речь идет о колонии Излучистой (ныне с. Лошкаревка Никопольского р-на Днепропетровской обл.). (Примеч. ред.)

⁶ М.Ф. Шпенцер – одесский кузен Троцкого по материнской линии. (Примеч. ред.)

⁷ В украинском (но не в еврейском) семейном быту к родителям обращаются на «вы». (Примеч. ред.)

ринскую». Весьма посредственного качества, стихи эти позже приобрели большую популярность. Они перепечатываются в песенниках и сейчас. Но иногда меня грызла жестокая тоска одиночества. Тогда я преувеличенно твердо отсчитывал стоптанными подметками тысячу сто одиннадцать шагов.

К концу третьего месяца, когда тюремный хлеб, мешок, набитый соломой, и вши стали для меня незыблемыми элементами жизни, как день и ночь, надзиратели вечером внесли ко мне гору предметов из другого, фантастического мира: свежее белье, одеяло, подушку, белый хлеб, чай, сахар, ветчину, консервы, апельсины, яблоки, да, большие, ярко окрашенные апельсины... И сейчас, через тридцать один год, я не без волнения перечисляю эти замечательные предметы и уличаю себя в том, что упустил баночку варенья, мыло и гребешок. «Это вам мать доставила», – сказал мне помощник. И как ни плохо я тогда читал в человеческих душах, но по тону его понял сразу, что он получил взятку.

Скоро меня перевезли на пароходе в Одессу и там поместили в одиночную тюрьму, построенную за несколько лет перед тем, по последнему слову техники. После Николаева и Херсона одесская одиночка показалась мне идеальным учреждением. Перестукивания, запи-сочки, «телефон», прямой крик через окна – словом, служба связи действовала почти непре-рывно. Я выстукивал соседям свои херсонские стихи, они снабжали меня в ответ новостями...

Первые месяцы пребывания в одесской тюрьме я не получал книг извне и вынужден был довольствоваться тюремной библиотекой. Она состояла главным образом из консерва-тивно-исторических и религиозных журналов за долгий ряд лет. Я штудировал их с неутоми-мой жадностью.

...Прибывшая из деревни сестра доставила мне, по моей просьбе, четыре Евангелия на иностранных языках. Опираясь на школьное знакомство с немецким и французским языком, я, стих за стихом, читал Евангелие также и по-английски и по-итальянски. За несколько меся-цев я значительно продвинулся, таким образом, вперед. Нужно, однако, сказать, что мои линг-вистические способности весьма посредственны. В совершенстве я и сейчас не знаю ни одного иностранного языка, хотя долго жил в разных странах Европы⁸.

Во время свиданий с родными заключенных помещали в узенькие деревянные клетки, отделенные от посетителей двумя решетками. При первой встрече со мной отец вообразил, что я все время заключения вынужден стоять в этом тесном ящике. Внутреннее содрогание лишило его речи. В ответ на мои вопросы он беззвучно шевелил побелевшими губами. Никогда не забуду его лица. Мать явилась уже предупрежденной и была спокойнее.

...Так как в тюрьме при выдаче новой тетради отбирали исписанную, то я завел себе для франкмасонства тетрадь в тысячу нумерованных страниц и мелким бисером записывал в нее выдержки из многочисленных книг, чередуя их со своими собственными соображениями о франкмасонстве и о материалистическом понимании истории. Работа эта заняла в общем около года.

...К концу моего пребывания в одесской тюрьме толстая тетрадь, заверенная и скреп-ленная подписью старшего жандармского унтер-офицера Усова, стала настоящим кладом исторической эрудиции и философской глубины. Не знаю, можно ли было бы ее напечатать сегодня в таком виде, в каком она была написана. Я слишком многое узнавал одновременно из разных областей, эпох и стран и, боюсь, слишком многое хотел сразу сказать в своей первой работе. Но думаю, что основные мысли и выводы были верны. Я уже чувствовал себя тогда достаточно устойчиво на ногах, и это чувство росло по мере работы. Я многое сейчас дал бы, чтобы разыскать эту толстую тетрадь. Она сопровождала меня и в ссылку, где я, правда, пре-кратил работу над масонством, перейдя к изучению экономической системы Маркса. После

---

⁸ При всем том в начале 1917 г. Троцкий читал по-немецки доклады в Нью-Йорке. См. ниже. (Примеч. ред.)

побега за границу Александра Львовна⁹ доставила мне эту тетрадь из ссылки через родителей, когда они посетили меня в Париже в 1903 г. Тетрадь осталась вместе со всем моим скромным эмигрантским архивом в Женеве, когда я нелегально уехал в Россию, и вошла в состав архива «Искры», который стал для нее преждевременной могилой. После вторичного побега из Сибири за границу я тщетно пытался разыскать свою работу.

---

⁹ А.Л. Соколовская (1872–1938?) – первая жена ЛД. (*Примеч. авт.*) Вслед за И. Седовой Ю. Аксельрод именует своего деда ЛД. (*Примеч. ред.*)

Из книги Б.Я. Фрезинского «Предисловие к публикации. Письма А.Л. Соколовской и А.А. Иоффе¹⁰ Л.Д. Троцкому»

Об Александре Львовне Соколовской известно не много. Она родилась в 1872 в небогатой еврейской семье на юге России; получила в Одессе специальность акушерки; с молодых лет увлеклась революционной идеей и в пору, когда большинство оппозиционно к российскому режиму настроенной молодежи ощущало себя народниками, стала убежденной марксисткой. В 1896 семья Соколовских жила в Николаеве; Александра Соколовская создала революционный кружок (он собирался в саду Франца Швиговского) и вовлекла в него своих младших братьев – Григория (по сведениям полиции, Герша) и Илью (Элью). Именно в этом кружке произошло вскоре ее знакомство с молодым Лево́й Бронштейном, заканчивавшим в Николаеве реальное училище.

В мемуарах 1930 года Троцкий упоминал тот «кружок Александры Соколовской», но подробно описывал лишь его участников из рабочей среды; еще... упомянул, что с Ильей Соколовским писал тогда драму, но не закончил ее и что Григорий Соколовский, «юноша примерно моего возраста», был самым юным участником этой коммуны. Отметим и важное признание, сделанное в «Моей жизни»: «Год учения в Николаеве, 1896-й, стал переломным годом моей юности, ибо поставил передо мною вопрос о моем месте в человеческом обществе». Участник кружка Соколовской Г. Зив, вспоминая то же время, написал об Александре Львовне: «Она была единственной марксисткой во всем саду, и ей на себе приходилось выносить всю тяжесть нападений со стороны всех завсегдатаев сада, начиная с самого Франца, самого старшего из нас (ему было лет двадцать восемь – тридцать), и кончая самым младшим, Бронштейном. Все они причисляли себя к народникам и рьяно накидывались на Соколовскую как на марксистку».

...Студенческое движение вылилось в демонстрации. Казаки стегали студентов. Либералы возмущались, ибо обижали их сыновей. Социал-демократия крепла, все больше сливаясь с рабочим движением. Революция переставала быть привилегированным занятием интеллигентских кружков. Число арестованных рабочих росло. В тюрьме становилось, несмотря на тесноту, легче дышать. К концу второго года мы получили приговор по делу Южно-русского союза: четыре главных обвиняемых сослались на 4 года в Восточную Сибирь. Нам пришлось еще провести свыше полугода в московской пересыльной тюрьме. Это было время усиленной теоретической работы. Здесь я впервые услышал о Ленине и проштудировал его незадолго перед тем вышедшую книгу о развитии русского капитализма. Здесь я написал и передал на волю брошюру о рабочем движении в Николаеве, напечатанную вскоре в Женеве. Из московской пересыльной нас увезли летом. Далее следовали еще остановки в ряде тюрем. На место ссылки мы попали только осенью 1900 г.

[1900]

...Мы спустились вниз по Лене. Течение медленно сносило несколько барж с арестантами и конвоем. По ночам было холодно, и шубы, которыми мы укрывались, обрастали под утро инеем. По пути в заранее назначенных деревнях высаживали одного-двух. До села Усть-Кут плыли, помнится, около трех недель. Здесь ссадили меня вместе с близкой мне ссылкой по николаевскому делу. Александра Львовна занимала одно из первых мест в Южно-русском рабочем союзе. Глубокая преданность социализму и полное отсутствие всего личного создали

---

¹⁰ Иоффе А.А. (1883–1927) – революционер, затем советский дипломат (о нем ниже).

ей непрекаемый нравственный авторитет. Совместная работа тесно связала нас. Чтобы не быть поселенными врозь, мы обвенчались в московской пересыльной тюрьме.

Из книги Д. А. Волкогонова «Троцкий. Политический портрет». Кн. 1

Вопреки утверждениям ЛД о «полном отсутствии всего личного» в этой женитьбе, женился он по любви. Вот его письмо к А.Л. Соколовской накануне свадьбы:

«Шурочка! Мне нужно тебе передать целую кучу новостей (хотя и не особенно любопытных). Третьего дня я имел свидание с матерью. Свидание окончилось полным разрывом¹¹ – и лучше, не правда ли? Я на этот раз дал отпор, и вышла довольно скверная сцена. Я отказался от помощи. Сейчас я получил письмо от твоего отца: он очень милый человек! Отец не огорчен моим разрывом с родными, но, по-видимому, даже рад... Мол, устраняется вопрос имущественного неравенства...

Я теперь так близко сижу от тебя, что, кажется, ощущаю твое присутствие. Если бы ты, спускаясь по лестнице на прогулку, сказала бы что-нибудь, я бы обязательно услышал. Попробуй, Сашенька! Мне тяжело... Я хочу тебя слышать, тебя видеть...

Ну а если нам не разрешат обвенчаться? Это невозможно! У меня бывали такие минуты (часы, дни, месяцы), когда самоубийство было самым приличным исходом. Но у меня не хватало для этого смелости...

Сибирская тайга умерит нашу гражданскую чувствительность. Зато мы там будем счастливы! Как олимпийские боги! Всегда-всегда неразлучно вместе! Сколько раз я уже повторяю это, и все-таки хочется повторять и повторять...»

В селе было около сотни изб. Мы поселились в крайней. Кругом лес, внизу река. Дальше к северу по Лене лежат золотые прииски. Отблеск золота играл на всей Лене. Усть-Кут знал раньше лучшие времена – с неистовым разгулом, грабежом и разбоем. Но в наше время село затихло. Пьянство, впрочем, осталось. Хозяин и хозяйка нашей избы пили непробудно. Жизнь темная, глухая, в далекой дали от мира. Тараканы наполняли ночью тревожным шорохом избу, ползали по столу, по кровати, по лицу. Приходилось время от времени выселяться на день-два и открывать настежь двери на 30-градусный мороз. Летом мучила мошкара. Она заедала насмерть корову, заблудившуюся в лесу. Крестьяне носили на лицах сетки из конского волоса, смазанного дегтем. Весною и осенью село утопало в грязи. Зато природа была прекрасна. Но в те годы я был холоден к ней. Мне как бы жалко было тратить внимание и время на природу. Я жил меж лесов и рек, почти не замечая их. Книги и личные отношения поглощали меня. Я изучал Маркса, сгоняя тараканов с его страниц.

...Ссылные обменивались письмами, выставившими в теоретические трактаты. Переводы с места на место давались иркутским губернатором сравнительно легко. Мы переехали с Александрой Львовной за 250 верст восточнее, на реку Илим, где были друзья. Там я служил короткое время конторщиком у купца-миллионера.

...Мы снова вернулись в Усть-Кут. Стояла лютая зима, морозы доходили до 44 градусов по Реомюру. Ямщик рукавицей сдирал льдины с лошадиных морд. На коленях у меня была десятилетняя девочка. Она дышала через меховую трубу, сооруженную над ее головой. На каждой остановке мы с тревогой извлекали девочку из ее оболочек. Путешествие прошло все же благополучно. Но в Усть-Куте мы пробыли недолго. Через несколько месяцев губернатор разрешил нам переселиться несколько южнее, в Верхоленск, где были друзья.

...Мои рукописные рефераты, газетные статьи и прокламации для Сибирского Союза сразу показались мне маленькими и захолустными пред лицом новой, грандиозной задачи. Надо было искать другого поприща. Надо было бежать.

---

¹¹ Родители были против женитьбы ЛД на Соколовской, так как Соколовская была значительно старше его и из бедной семьи.

У нас были в это время уже две девочки; младшей шел четвертый месяц. Жизнь в сибирских условиях была нелегка. Мой побег должен был возложить на Александру Львовну двойную ношу. Но она отводила этот вопрос одним словом: надо. Революционный долг покрывал для нее все другие соображения, и прежде всего личные. Она первая подала мысль о моем побеге, когда мы отдали себе отчет в новых больших задачах. Она устранила все сомнения, возникавшие на этом пути. В течение нескольких дней после побега она успешно маскировала мое отсутствие от полиции. Из-за границы я едва мог переписываться с ней. Для нее наступила затем вторая ссылка. В дальнейшем мы встречались только эпизодически. Жизнь развела нас, сохранив ненарушимо идейную связь и дружбу.

[1902]

Приятель-крестьянин брался вывести из Верхоленска меня вместе с Е.Г.¹², переводчицей Маркса. Ночью в поле он укрыл нас на телеге сеном и рогожей, как кладь. В то же время, чтоб выиграть дня два у полиции, на моей квартире укрыли одеялом чучело мнимого больного. Ямщик вез нас по-сибирски, т. е. со скоростью до двадцати верст в час. Я считал спиною все ухабы и слышал сдержанные стоны соседки. Лошадей в пути сменяли раза два. Не доезжая до железной дороги, мы с попутчицей разделились, чтоб не помножать взаимно наши промахи и опасности. Я без приключений сел в вагон, куда иркутские друзья доставили мне чемодан с крахмальным бельем, галстуком и прочими атрибутами цивилизации. В руках у меня был Гомер в русских гекзаметрах Гнедича. В кармане – паспорт на имя Троцкого, которое я сам наудачу вписал, не предвидя, что оно станет моим именем на всю жизнь. Я ехал по сибирской линии на запад. Вокзальные жандармы равнодушно пропускали меня мимо себя. Рослые сибирячки выносили на станцию жареных кур и поросят, молоко в бутылках, горы печеного хлеба. Каждая станция походила на выставку сибирского изобилия. На всем протяжении пути весь вагон пил чай, заедая дешевыми сибирскими пышками. Я читал гекзаметры и мечтал о загранице. В побеге не оказалось ничего романтического: он целиком растворился в потоке чаепития.

...В Лондон – из Цюриха через Париж – я приехал осенью 1902 г., должно быть, в октябре, ранним утром. Нанятый полумимическим путем кеб доставил меня по адресу, написанному на бумажке, к месту назначения. Этим местом была квартира Ленина. Меня заранее научили, еще в Цюрихе, стукнуть три раза дверным кольцом. Дверь мне открыла Надежда Константиновна, которую, надо думать, я своим стуком поднял с постели. Час был ранний, и всякий более привычный к культурному общежитию человек посидел бы спокойно на вокзале час-два, вместо того чтобы ни свет ни заря стучаться в чужие двери. Но я еще был полон зарядом своего побега из Верхоленска. Таким же варварским образом я потревожил в Цюрихе квартиру Аксельрода¹³, только не на рассвете, а глубокой ночью. Ленин находился еще в постели, и на лице его приветливость сочеталась с законным недоумением. В таких условиях произошло наше первое с ним свидание и первый разговор. И Владимир Ильич, и Надежда Константиновна знали уже обо мне из письма Клэра¹⁴ и ждали меня.

...В Лондоне, как и позже в Женеве, я гораздо чаще встречался с Засулич¹⁵ и с Мартовым¹⁶, чем с Лениным. Живя в Лондоне на одной квартире, а в Женеве обедавая и ужиная обычно в одних и тех же рестораниках, мы с Мартовым и Засулич встречались несколько раз на день, тогда как Ленин жил семейным порядком, и каждая встреча с ним, вне официальных заседа-

---

¹² Неустановленное лицо.

¹³ Аксельрод П.Б. (1850–1928) – русский марксист, с 1903 г. – меньшевик. Однофамилец составителя книги. (Примеч. ред.)

¹⁴ Конспиративная кличка Г.М. Кржижановского (1872–1959), социал-демократа, впоследствии хозяйственного деятеля Советского Союза. (Примеч. ред.)

¹⁵ Засулич В.И. (1849–1919) – русская революционерка, террористка, с 1903 г. – меньшевичка. (Примеч. ред.)

¹⁶ Мартов Л. (Ю.О. Цедербаум; 1873–1923) – русский социал-демократ, меньшевик. (Примеч. ред.)

ний, была уже как бы маленьким событием. Привычки и пристрастия богемы, столь тяготевшие над Мартовым, были Ленину совершенно чужды. Он знал, что время, несмотря на всю свою относительность, есть наиболее абсолютное из благ. Ленин проводил много времени в библиотеке Британского музея, где занимался теоретически, где писал обычно и газетные статьи. При его содействии и я получил доступ в это святилище. У меня было чувство ненасытного голода, я захлебывался в книжном обилии. Но скоро мне пришлось уехать на континент.

Вот относящаяся к тому времени страничка из воспоминаний Н.И. Седовой¹⁷.

«Осень 1902 года была обильна рефератами в русской колонии Парижа. Группа «Искры», к которой я принадлежала, увидела сначала Мартова, потом Ленина. Шла борьба с «экономистами» и с социалистами-революционерами. В нашей группе говорили о приезде молодого товарища, бежавшего из ссылки. Он зашел на квартиру Е.М. Александровой, бывшей народо-волки, примкнувшей к «Искре». Мы, молодые, очень любили Екатерину Михайловну, с большим интересом слушали ее и находились под ее влиянием. Когда появился [так!] в Париже молодой сотрудник «Искры», Екатерина Михайловна поручила мне узнать, нет ли свободной комнаты где-нибудь поблизости. Одна комната оказалась в том доме, где я жила, за 12 франков в месяц, но она была очень мала, узка, темна, похожа на тюремную камеру. Когда я ее описывала, Екатерина Михайловна прервала: «Ну, ну, нечего расписывать – хороша будет, пусть занимает». Когда молодой человек (фамилии его нам не называли) устроился в этой комнате, Екатерина Михайловна спрашивала меня: «Ну что ж, готовится он к своему докладу?» – «Не знаю, верно, готовится, – отвечала я, – вчера ночью, поднимаясь по лестнице, я слышала, как он насвистывал в своей комнате». – «Скажите ему, чтоб он не свистел, а хорошенько готовился». Екатерина Михайловна была очень озабочена, чтоб «он» удачно выступил. Но ее тревога была напрасна. Выступление было очень успешно, колония была в восторге, молодой искровец превзошел ожидания».

...С Парижем я знакомился несравненно более внимательно, чем с Лондоном. В этом сказались влияние Н.И. Седовой. Я родился и вырос в деревне, но к природе стал приближаться в Париже.

---

¹⁷ Вероятно, рукопись воспоминаний Н. Седовой, которую цитирует здесь Л. Троцкий, была одним из источников книги Н. Седовой и В. Сержа (см. ниже). (Примеч. ред.)

По книге Натальи Седовой и Виктора Сержа «Жизнь и смерть Льва Троцкого» (перевод отрывков с англ. и примечания Юлии Аксельрод)

От переводчика

Извлечения из книги носят исключительно семейный характер. Они дополняют то, что написал ЛД в книге «Моя жизнь». По-видимому, приведенные отрывки принадлежат самой Наталье, ибо Виктор Серж не мог знать этих деталей.

Книга впервые вышла во Франции в 1951 г., ее английский перевод опубликован в Англии в 1975 г. (Полагаю, оригинал писался по-русски, но его местонахождение мне неизвестно.)

При чтении и переводе (реставрации?) текста у меня возникли вопросы, задать которые сегодня некому¹⁸.

В юности я познакомилась с революционными идеями... Меня определили в пансион при Краковской гимназии. Мы организовывали ученические кружки, на которых я по вечерам встречалась с молодыми людьми, увлеченными политикой. Они приносили с собой нелегальные брошюры, провозглашающие принципы свободы.

Когда мое среднее образование было завершено, я, как и многие другие, хотела дышать воздухом свободной страны. Поехала учиться в Женеву. Моей специальностью была ботаника, но больше я интересовалась общественными проблемами. Я была счастлива, когда меня представили группе, движущей силой которой был Ленин...

В 1902 г. я жила в Париже на улице Лаланд. Приходил сюда Юлий Мартов, и однажды он объявил, что юный беглец из Сибири появится здесь, как только приедет в Париж...

Случилось так, что в один прекрасный день мы с ЛД стояли рядом и смотрели на могилу Бодлера на кладбище Монпарнас; с этого момента наши жизни соединились навсегда.

Мои родители высылали мне на прожитые 20 руб. в месяц, и ЛД зарабатывал примерно столько же писанием статей. Мы с трудом сводили концы с концами.

[1903]

Срок, назначенный для съезда¹⁹... приближался, и было в конце концов решено перенести редакцию в Швейцарию, в Женеву: там жизнь обходилась несравненно дешевле и связь с Россией была легче. Ленин крепя сердце согласился на это. «В Женеве мы устроились в двух маленьких комнатках мансардного типа, – пишет Седова, – Л.Д. был поглощен работой к съезду. Я готовилась к отъезду в Россию, на партийную работу».

[1905]

23 января утром я вернулся в Женеву с рефератной поездки, усталый и разбитый после бессонной ночи в вагоне. Мальчишка продал мне вчерашний номер газеты. О шестивии рабочих к Зимнему дворцу говорилось в будущем. Я решил, что оно не состоялось. Через час-два я зашел в редакцию «Искры». Мартов был взволнован до крайности. «Не состоялось?» – спросил я его. «Как не состоялось? – накинулся он на меня. – Мы всю ночь просидели в кафе, читая свежие телеграммы. Неужели вы не знаете? Вот, вот, вот...» И он совал мне газету. Я пробежал первые десять строк телеграфного отчета о кровавом воскресенье. Глухая и жгучая волна ударила мне в голову.

---

¹⁸ Здесь и далее блоки текста, выделенные курсивом, принадлежат автору. Речь идет о II съезде РСДРП. (Примеч. ред.)

¹⁹ Речь идет о II съезде РСДРП. (Примеч. ред.)

Остаться за границей я дольше не мог. С большевиками связей не было со времени съезда. С меньшевиками я организационно порвал. Приходилось действовать на свой страх. Я достал через студентов паспорт. С женой, которая осенью 1904 г. снова вернулась за границу, мы отправились в Мюнхен. Парвус²⁰ поселил нас у себя.

...Из Мюнхена мы проехали с Седовой в Вену. Эмигрантский поток уже хлынул обратно в Россию. Виктор Адлер²¹ был целиком поглощен делами: доставал для эмигрантов деньги, паспорта, адреса... У него на квартире парикмахер изменял мою внешность, уже достаточно примелькавшуюся русским охранникам за границей.

...Н.И. Седова была захвачена конной облавой на первомайском митинге в лесу. Она просидела около полугода в тюрьме и затем была выслана под надзор в Тверь...²²

...Я уехал летом в Финляндию. Там для меня наступила передышка, состоявшая из напряженной литературной работы и коротких прогулок. Я пожирал газеты, следил за формированием партий, делал вырезки, группировал факты. В этот период сложилось окончательное мое представление о внутренних силах русского общества и о перспективах русской революции.

...Обстановка, в которой жил я в Финляндии, мало напоминала о перманентной революции: холмы, сосны, озера, прозрачный воздух осени, покой...

...В тишине отеля шорох газет отдавался в ушах, как грохот лавины. Революция была в полном ходу. Я потребовал у мальчика счет, заказал лошадь и, покинув свой «Покой», поехал навстречу лавине. Вечером я выступал уже в Петербурге, в актовом зале Политехнического института.

...Прибыл я в Петербург в самый разгар октябрьской стачки. Забастовочная волна все ширилась, но была опасность, что движение, не охваченное массовой организацией, безрезультатно сойдет на нет. Я приехал из Финляндии с планом выборной беспартийной организации, по делегату на 1000 рабочих.

---

²⁰ Парвус (Александр Гельфанд, 1869–1924) – деятель русского и германского революционных движений. (Примеч. ред.)

²¹ Адлер В. (1852–1918) – лидер Австрийской социал-демократической партии и международного рабочего движения.

²² В Твери Н. Седова пробыла очень недолго. (Примеч. авт.)

По книге Натальи Седовой и Виктора Сержа «Жизнь и смерть Льва Троцкого»

Наталья в тюрьме за революционную деятельность. Пишет, что относится к ней хорошо. Стражница вежливо говорит ей: «Ваша ванна готова, мадам Седова!»

Прочитав еще несколько страниц и произведя подсчеты, догадываюсь: Наталья беременна!

...После октябрьского манифеста она [Наталья] вернулась в Петербург. Под фамилией Викентьевых мы сняли комнату, как оказалось, у биржевого спекулянта. Дела на бирже шли плохо. Многим спекулянтам пришлось потесниться в своих квартирах. Разносчик приносил нам каждое утро все вышедшие газеты. Квартирный хозяин брал их иногда у жены, читал и скрежетал зубами. Его дела шли все хуже. Однажды он прямо-таки ворвался в нашу комнату, потрясая газетным листом. «Смотрите, – вопил он, тыча пальцем в мою свежую статью «Доброго утра, петербургский дворник!», – смотрите, они уже до дворников добираются. Если б попался мне этот каторжник, я бы его вот из этого застрелил». Он выхватил из кармана револьвер и потрясал им в воздухе. У него был вид безумного. Он искал сочувствия. Жена приехала ко мне в редакцию с этой тревожной вестью. Надо было искать новую квартиру. Но не было свободной минуты, и мы положились на судьбу. Так мы и прожили у отчаявшегося биржевика до моего ареста. К счастью, ни хозяин, ни полиция до конца не узнали, кто жил под фамилией Викентьева. После моего ареста на нашей квартире даже не сделали обыска.

...Кроме «Русской газеты» и «Начала», я писал еще передовицы в «Известиях», официальном органе Совета, а также многочисленные воззвания, манифесты и резолюции. Пятьдесят два дня существования первого Совета были насыщены работой до отказа: Совет,

Исполнительный Комитет, непрерывные митинги и три газеты. Как мы в этом водовороте жили, мне самому неясно.

[1906]

В момент моего второго ареста мне было двадцать шесть лет. И от старика Дейча²³ пришло признание зрелости: он в тюрьме торжественно отказался называть меня юношей и перешел на имя-отчество.

...В жизни России революция 1905 г. была генеральной репетицией революции 1917 г. Такое же значение имела она и в моей личной жизни. В события 1917 г. я вошел с полной решимостью и уверенностью, потому что они были для меня лишь продолжением и развитием той революционной работы, которую оборвал арест Петроградского Совета 3 декабря 1905 г.

Арест последовал на второй день после опубликования нами так называемого финансового манифеста, который провозглашал неизбежность финансового банкротства царизма и категорически предупреждал, что долговые обязательства Романовых не будут признаны победоносным народом.

Начался второй тюремный цикл. Я переносил его гораздо легче, чем первый, да и условия были несравненно благоприятнее, чем за восемь лет до того. Я посидел некоторое время в «Крестах», затем в Петропавловской крепости, а под конец в Доме предварительного заключения. Перед отправкой в Сибирь нас перевели еще в пересыльную тюрьму.

Разделявший со мной заключение Д. Сверчков следующим образом описывал впоследствии тюремный период в своей книге «На заре революции»: «Тюремная камера Троцкого

---

²³ Дейч Л. Г. (1855–1941) – деятель революционного движения в России.

превратилась вскоре в какую-то библиотеку. Ему передавали решительно все сколько-нибудь заслуживающие внимания новые книги; он прочитывал их и весь день с утра до поздней ночи был занят литературной работой. «Я чувствую себя великолепно, – говорил он нам. – Сижу, работаю и твердо знаю, что меня ни в коем случае не могут арестовать... Согласитесь, что в границах царской России это довольно необычное ощущение...»

Из книги Д. А. Волкогонова «Троцкий. Политический портрет». Кн. 1

Из тюрьмы ЛД отправил несколько писем и Соколовской, поддерживая слабую, тонкую связь с первой семьей. Например, 17 мая 1906 года Троцкий написал Александре Львовне:

«Дорогой друг, Неужели ты не получила моего последнего письма? Я написал его на адрес твоего отца. Письмо я посвятил, главным образом, моему отношению к обеим фракциям (ты меня спрашивала об этом)...

Положение мое все то же. Суд отложен до 19 октября. Сажу я в одиночной камере, прогулка общая часа 3–4 в день...

...Родители привезли мне карточку девочек, – я тебе писал об этом. Девочки превосходны, каждая в своем роде! У Нинушки такое личико – испуганное и вместе с тем лукаво заинтересованное лицо! А у Зинушки такое размышляющее личико! Кто-то тронул рукой карточку у меня в номере, и на личике Зинушки пятно. Если у тебя есть одна свободная карточка, пришли мне, пожалуйста...»

В конце концов, я не могу жаловаться на свои тюрьмы.

Они были для меня хорошей школой. Плотную закупоренную одиночку Петропавловской крепости я покидал с оттенком огорчения: там было тихо, так ровно, так бесшумно, так идеально хорошо для умственной работы. Предварилка, наоборот, была переполнена людьми и суетой. Немало было смертников: террористические акты и вооруженные экспроприации шли в стране широкой волною. Режим в тюрьме, ввиду первой Думы, был либеральный, камеры днем не запирались, прогулки были общие. Мы по часам с упоением играли в чехарду. Приговоренные к смерти прыгали и подставляли свои спины вместе с другими. Жена приходила ко мне дважды в неделю на свидание. Дежурные помощники смотрели сквозь пальцы, как мы обмениваемся письмами и рукописями.

И отец, и мать присутствовали на процессе. Их мысли и чувства двоились. Уже нельзя было объяснять мое поведение мальчишеской взбалмошностью, как в дни моей николаевской жизни в саду у Швиговского. Я был редактором газет, председателем Совета, имел имя как писатель. Старикам импонировало это. Мать заговаривала с защитниками, стараясь от них услышать еще и еще что-нибудь приятное по моему адресу. Во время моей речи, смысл которой не мог быть ей вполне ясен, мать бесшумно плакала. Она заплакала сильнее, когда два десятка защитников подходили ко мне друг за другом с рукопожатиями. Один из адвокатов потребовал перед тем перерыва заседания, ссылаясь на общую взволнованность. Это был А.С. Зарудный. В правительстве Керенского он стал министром юстиции и держал меня в тюрьме по обвинению в государственной измене. Но это было через десять лет... В перерыве старики глядели на меня счастливыми глазами. Мать была уверена, что меня не только оправдают, но как-нибудь еще и отличат. Я убеждал ее, что надо готовиться к каторжным работам. Она испуганно и недоумевающе переводила глаза с меня на защитников, стараясь понять, как это может быть. Отец был бледен, молчалив, счастлив и убит в одно и то же время.

Нас лишили всех гражданских прав и приговорили к ссылке на поселение. Это был сравнительно мягкий приговор. Мы ждали каторги. Но ссылка на поселение – это совсем не та административная ссылка, которой я был подвергнут в первый раз. Ссылка на поселение была бессрочной, и всякая попытка побега каралась дополнительно тремя годами каторжных работ. Сорок пять плетей в добавление к каторжным работам были отменены за два-три года перед тем.

До Тюмени мы ехали по железной дороге. Из Тюмени отправились на лошадях. На 14 ссыльных дали 52 конвойных солдата, не считая капитана, пристава и урядника. Шло под нами

около 40 саней. Из Тюмени через Тобольск путь тянулся по Оби. «Каждый день, – писал я жене, – мы за последнее время продвигаемся на 90—100 верст к северу, т. е. почти на градус. Благодаря такому непрерывному передвижению, убыль культуры – если тут можно говорить о культуре – выступает перед нами с резкой наглядностью. Каждый день мы опускаемся еще на одну ступень в царство холода и дикости».

Пересекши сплошь зараженные тифом районы, мы 12 февраля, на 33-й день пути, доехали до Березова, куда некогда сослан был сподвижник Петра князь Меншиков. В Березове нам дали остановку на два дня. Предстояло еще совершить около 500 верст до Обдорска. Мы гуляли на свободе. Побега власти отсюда не боялись. Назад была одна-единственная дорога по Оби, вдоль телеграфной линии: всякий бежавший был бы настигнут. В Березове жил в ссылке землемер Рошковский. С ним я обсуждал вопрос о побеге. Он сказал мне, можно попытаться взять путь прямо на запад, по реке Сосьве, в сторону Урала, проехать на оленях до горных заводов, попасть у Богословского завода на узкоколейную железную дорогу и доехать по ней до Кушвы, где она смыкается с пермской линией. А там – Пермь, Вятка, Вологда, Петербург, Гельсингфорс!..

Дорог по Сосьве, однако, нет. За Березовом сразу открывается дичь и глушь. Никакой полиции на протяжении тысячи верст, ни одного русского поселения, только редкие остяцкие юрты, о телеграфе нет и помину, нет на всем пути даже лошадей, тракт исключительно олений. Полиция не догонит. Зато можно затеряться в пустыне, погибнуть в снегах. Сейчас февраль, месяц метелей...

Доктор Фейт, старый революционер, один из нашей ссыльной группы, научил меня симулировать ишиас, чтобы остаться на несколько лишних дней в Березове. Я с успехом выполнил эту скромную часть задуманного плана. Ишиас, как известно, не поддается проверке. Меня поместили в больницу. Режим в ней был совершенно свободный. Я уходил на целые часы, когда мне становилось «легче». Врач поощрял мои прогулки. Никто, как сказано, побега из Березова в это время года не опасался. Надо было решиться. Я высказался за западное направление: напрямик к Уралу.

Рошковский привлек к совету местного крестьянина, по прозвищу Козья ножка. Этот маленький, сухой, рассудительный человек стал организатором побега. Он действовал совершенно бескорыстно. Когда его роль вскрылась, он жестоко пострадал. После Октябрьской революции Козья ножка не скоро узнал, что это именно мне он помог бежать десять лет перед тем. Только в 1923 г. он приехал ко мне в Москву, и встреча наша была горяча. Его облачили в парадное красноармейское обмундирование, водили по театрам, снабдили граммофоном и другими подарками. Вскоре после того старик умер на своем далеком Севере.

Ехать из Березова надо было на оленях. Все дело было в том, чтобы найти проводника, который рискнул бы в это время года тронуться в ненадежный путь. Козья ножка нашел зырянину, ловкого и бывалого, как большинство зырян. «А он не пьяница?» – «Как не пьяница? Пьяница лютый. Зато свободно говорит по-русски, по-зырянски и на двух остяцких наречиях: верховом и низовом, почти не схожих между собою. Другого такого ямщика не найти: пройдоша». Вот этот-то пройдоша и предал впоследствии Козью ножку. Но меня он вывез с успехом.

...Путешествие длилось неделю. Мы проделали 700 километров и приближались к Уралу. Навстречу все чаще попадались обозы. Я выдавал себя за инженера из полярной экспедиции барона Толя. Недалеко от Урала мы наткнулись на приказчика, который раньше служил в этой экспедиции и знал ее состав. Он закидал меня вопросами. К счастью, он был нетрезв. Я торопился выйти из затруднения при помощи бутылки рома, которую захватил на всякий случай. Все сошло благополучно. По Уралу открывался путь на лошадях. Теперь уж я значился чиновником, и вместе с акцизным ревизором, объезжавшим свой участок, я доехал до узкоколейки.

Станционный жандарм безучастно глядел, как я освобождался из своих остяцких шуб.

На подъездном уральском пути положение мое было далеко еще не обеспеченным: по этой ветке, где замечают каждого «чужого» человека, меня на любой станции могли арестовать по телеграфному сообщению из Тобольска. Я ехал в тревоге. Но когда я через сутки оказался в удобном вагоне пермской дороги, я сразу почувствовал, что дело мое выиграно. Поезд проходил через те же станции, на которых недавно нас с такой торжественностью встречали жандармы, стражники и исправники. Но теперь мой путь лежал в другом направлении, и ехал я с другими чувствами. В первые минуты мне показалось тесно и душно в просторном и почти пустом вагоне. Я вышел на площадку, где дул ветер и было темно, и из груди моей непроизвольно вырвался громкий крик – радости и свободы!

На одной из ближайших остановок я по телеграфу вызвал жену на станцию, где скрещивались поезда.

Она не ждала этой телеграммы, во всяком случае, не ждала ее так скоро. И немудрено. Путь наш до Березова длился более месяца. Петербургские газеты были полны описаний нашего продвижения на север. Корреспонденции еще только продолжали поступать. Все считали, что я на пути к Обдорску. Между тем весь обратный путь я проделал в 11 дней. Ясно, что встреча со мной под Петербургом должна была казаться жене невероятной. Тем лучше: встреча все же состоялась.

Вот как рассказано об этом в воспоминаниях Н.И. Седовой: «Получивши телеграмму в Териоках, финляндском селе под Петербургом, где я была совершенно одна с совсем маленьким сыном, я не находила себе места от радости и волнения. В тот же день я получила с пути от ЛД длинное письмо, в котором, кроме описания путешествия, заключалась еще просьба привезти ему книги, когда буду ехать в Обдорск, и ряд необходимых на севере вещей. Выходило, будто он сразу раздумал и каким-то непостижимым путем мчится обратно и даже назначает свидание на станции, где скрещиваются поезда. Но удивительным образом в тексте телеграммы название станции выпало. На другой день утром выезжаю в Петербург и стараюсь по путеводителю выяснить, до какой именно станции я должна взять билет. Не решаюсь наводить справки и отправляюсь в путь, так и не выяснив название станции. Беру билет до Вятки, выезжаю вечером. Вагон полон помещиков, возвращающихся из Петербурга с покупками из гастрономических магазинов в свои имения – праздновать масленицу; беседы идут о блинах, икре, балыке, винах и пр. Я с трудом выносила эти разговоры, взволнованная предстоящим свиданием, терзаемая мыслью о возможных случайностях... И все же в душе жила уверенность, что свидание состоится. Я едва дождалась утра, когда встречный поезд должен был прийти на станцию Самино: только в дороге я узнала ее название и запомнила его на всю жизнь. Поезда остановились, и наш, и встречный. Я выбежала на станцию – никого нет. Вскочила во встречный поезд, пробежала в страшной тревоге по вагонам, нет и нет, – и вдруг увидела в одном из купе шубу ЛД – значит, он здесь, здесь, но где? Я выпрыгнула из вагона и сейчас же наткнулась на выбежавшего из вокзала ЛД, который меня искал. Он негодовал по поводу искажения телеграммы и хотел по этому поводу тут же затеять историю. Я еле отговорила его. Когда он отправил мне телеграмму, он отдавал себе, конечно, отчет в том, что вместо меня его могут встретить жандармы, но считал, что со мной легче ему будет в Петербурге, и надеялся на счастливую звезду. Мы сели в купе и продолжали путь вместе. Меня поражала свобода и непринужденность, с которой держал себя ЛД, смеясь, громко разговаривая в вагоне и на вокзале. Мне хотелось его сделать совсем невидимым, хорошенько спрятать; ведь за побег ему грозили каторжные работы. А он был у всех на виду и говорил, что это-то и есть самая надежная защита».

С вокзала мы отправились прямо в артиллерийское училище, к нашим верным друзьям. Никогда я не видел людей, до такой степени пораженных, как семья доктора Литкенса. Я стоял, как призрак, в большой столовой, все глядели на меня, не переводя духу. После того как мы перещеловались, все начали удивляться и не верить себе по второму разу. В конце концов убедились все же, что это я. И сейчас чувствую: это были счастливые часы. Но опасность еще

далеко не миновала. Об этом первым напомнил доктор. В некотором смысле она только теперь начиналась. Из Березова уж пошли, конечно, телеграммы о моем исчезновении. В Петербурге меня слишком многие знали по Совету депутатов. Мы решили с женой перебраться в Финляндию, где завоеванные революцией свободы держались значительно дольше, чем в Петербурге. Наиболее опасным пунктом был Финляндский вокзал. Перед самым отходом поезда в наш вагон вошло несколько жандармских офицеров, ревизовавших поезд. По глазам жены, которая сидела лицом ко входной двери, я прочитал, какой опасности мы подвергаемся. Мы пережили минуту большой нервной нагрузки. Жандармы безучастно поглядели на нас и прошли мимо. Это было самое лучшее, что они могли сделать.

Из книги Н. Седовой и В. Сержа «Жизнь и смерть Льва Троцкого» (Глава «Тюрьма, суд, побег и эмиграция»)

В книге приводится отрывок из письма ЛД к Наталье из ссылки с датой 12 января 1906 года. Далее идут письма от 16 января и от 27 января. Через месяц, продолжает Наталья, ЛД послал ей телеграмму о побеге из ссылки.

Побег был блестящий, но состоялся он в 1907 году, а не в 1906-м, как пишет Наталья. Ведь ЛД был посажен в тюрьму в самом конце 1905 года и просидел в тюрьме

13 месяцев. Наталья приходила к нему в тюрьму 2 раза в неделю. Лева родился в феврале 1906 года. На момент побега Лева был год. Должен ли был заметить эту оплошность Виктор Серж или редактор?

...И Ленин, и Мартов уже задолго до этого времени покинули Петербург и жили в Финляндии. Объединение фракций, происшедшее на Стокгольмском съезде в апреле 1906 г., уже снова дало глубокую трещину. Революционный отлив продолжался. Меншевики каялись в безумствах 1905 г. Большевики ни в чем не каялись, а держали курс на новую революцию. Я посетил Ленина и Мартова, которые жили в соседних селениях. В комнате Мартова царил, как всегда, неистовый беспорядок. В углу были навалены газеты в человеческий рост. Во время беседы Мартов время от времени нырял в эту кучу и доставал нужную ему статью. На столе лежали рукописи, покрытые пеплом. Непротертое пенсне свисало на тонком носу. Как всегда, у Мартова было множество мыслей, тонких, блестящих, но не было одной мысли, самой главной. Он не знал, что предпринять. В комнате Ленина царил, как всегда, образцовый порядок. Ленин не курил. Нужные газеты с пометками лежали под рукой. А главное, была несокрушимая, хотя и выжидательная уверенность в этом прозаическом, но необыкновенном лице. Еще неясно было, есть ли это окончательный отлив революции или только заминка перед новым подъемом. Но и в том и в другом случае одинаково необходимы были борьба со скептиками, теоретическая проверка опыта 1905 г., воспитание кадров для новой волны подъема или для следующей революции. Ленин одобрял в беседе мои тюремные работы, но укорял за то, что я не делаю необходимого организационного вывода, т. е. не перехожу на сторону большевиков. Он был прав. На прощание он дал мне адреса в Гельсингфорсе, которые оказались для меня неоценимы.

Указанные Лениным друзья помогли мне с семьей укромно устроиться в Огльбю, под Гельсингфорсом, где некоторое время после нас жил и Ленин. Гельсингфорский полицмейстер был *активист*, т. е. революционный финский националист. Он обещал предупредить меня в случае какой-либо опасности со стороны Петербурга. В Огльбю я прожил несколько недель с женой и маленьким сыном, который родился, когда я сидел в тюрьме. Здесь в уединении я описал свое путешествие в книжке «Туда и обратно» и на полученный гонорар выехал за границу через Стокгольм. Жена с сыном оставалась пока в России. До границы меня провожала молодая финская активистка.

Из Лондона я отправился в Берлин, навстречу жене, которая должна была приехать из Петербурга. К этому времени бежал уже из Сибири Парвус. В Дрездене в социал-демократическом издательстве Кадена он устроил издание моей книжки «Туда и обратно». Для брошюры, посвященной моему побегу, я взялся написать предисловие о самой революции. Из этого предисловия выросла в течение нескольких месяцев книга «Russland in der Revolution»²⁴. Втроем – моя жена, Парвус и я – отправились пешком по саксонской Швейцарии. Стоял конец лета, дни

---

²⁴ «Россия в революции» (нем.).

были прекрасны, по утрам тянул холодок, мы пили молоко и воздух гор. Попытка наша с женой спуститься в долину без дороги едва не стоила нам обоим головы. Мы вышли в Богемию, в городишко Гиршберг, дачное место маленьких чиновников, и прожили там ряд недель²⁵. Когда деньги оказывались на исходе, – а это бывало периодически, – Парвус или я писали спешно статью в социал-демократическую печать.

В октябре (1907 г.) я был уже в Вене. Скоро приехала и жена с ребенком. В ожидании новой революционной волны мы поселились за городом в Hütteldorfe. Ждать пришлось долго.

...Я упомянул уже, что сразу по приезде мы поселились за городом. «Hütteldorf мне понравился, – писала жена. – Квартира была лучше, чем мы могли иметь, так как виллы здесь обыкновенно сдавались весной, а мы сняли на осень и зиму. Из окон были видны горы, все в темно-красном осеннем цвете. На простор можно было пройти через калитку, минуя улицу. Зимой по воскресеньям венцы с салазками и лыжами, в цветных шапочках и свитерах приезжали сюда по пути в горы. В апреле, когда мы должны были покинуть нашу квартиру, так как плата за нее удваивалась, уже цвели в саду и за садом фиалки, аромат их заполнял комнаты через открытые окна. Здесь родился Сережа. Пришлось переселиться в более демократический Sievering».

---

²⁵ У кого оставила Наталья Леву? У своих родителей, о которых она совершенно ничего не пишет? У партийных товарищей? (Примеч. авт.)

Из книги Н. Иоффе²⁶ «Время назад. Моя жизнь, моя судьба, моя эпоха»

С 1908 года в Вене издавалась газета «Правда», и все ее издатели – Парвус, Скобелев²⁷, Троцкий и Иоффе – постоянно встречались, были дружны семьями. Старший сын Троцкого – Лева – мой ровесник и друг детства.

Помню такой эпизод. Мы с Левой – нам обоим года по три или четыре – сидим за столом и едим кашу. Я свою порцию уже съела, а Лева балуется, капризничает, бросает ложку. Заходит Лев Давыдович, спрашивает: «Как дела, ребяташки?» Я тут же докладываю (хорошая, должно быть, была стервочка), что я кашу съела, а Лева не ест, балуется. Он посмотрел на сына, очень спокойно спросил: «Так почему ты не ешь кашу?» Лева схватил ложку и, глядя на него, как кролик на удава, начал поспешно запихивать в себя кашу, давась и кашляя. А между тем я не помню случая, чтобы ЛД не только наказывал, но даже голос повысил на ребенка.

И еще один эпизод. Я сижу и рассматриваю домики и кораблики, которые мне нарисовал отец. О качестве рисунков можно судить по тому, что ЛД, который зашел в комнату и посмотрел на них, сказал: «Надюша, как ты хорошо стала рисовать». Я возмущенно сообщаю ему, что это рисовал папа. «Ах, папа! Прекрасно нарисовано, я бы так не сумел». Я очень любила отца, и, помню, была просто счастлива, что вот даже ЛД не сумел бы так нарисовать, как мой папа.

---

²⁶ Иоффе Н.А. (1906–1999) – дочь А.А. Иоффе (см. выше).

²⁷ Скобелев М.И. (1885–1938) – юрист, меньшевик, впоследствии министр в правительстве Керенского.

Из воспоминаний Н. Седовой

«Дети говорили на русском и параллельно на немецком языке. В детском саду и школе они объяснялись по-немецки, поэтому, играя дома, они продолжали немецкую речь, но стоило мне или отцу заговорить с ними, они тотчас переходили на русский. Если мы к ним обращались по-немецки, они смущались и отвечали по-русски. В последние годы они усвоили еще венское наречие и говорили на нем великолепно.

Они любили бывать в семье Клячко, где все – и глава семьи, и хозяйка дома, и взрослые дети – были к ним очень внимательны, показывали им много интересного и к тому же угощали их прекрасными вещами.

Любили дети и Рязанова, известного исследователя Маркса. Рязанов, живший тогда в Вене, поражал воображение мальчиков своими гимнастическими подвигами и нравился им своей шумливостью. Как-то младшего мальчика стриг парикмахер, я сидела тут же. Сережа пальцем подозвал меня к себе и тихо на ухо сказал: «Я хочу, чтоб он мне сделал прическу как у Рязанова». Его восхитила большая, гладкая лысина Рязанова – это было не так, как у всех, а гораздо лучше.

Когда Левик поступил в школу, встал вопрос о «законе божьем». По тогдашнему австрийскому закону дети обязаны были до четырнадцати лет воспитываться в религии своих отцов. Так как в наших документах никакой религии не было указано, то мы выбрали для детей лютеранство, как такую религию, которая казалась нам все же более портативной для детских плеч и для детских душ. Преподавала закон Лютера учительница во внешкольные часы, хотя и в школе. Левик нравился этот урок, это было видно по его рожице, но он не находил нужным дома распространяться по этому поводу. Как-то вечером слышала, как он, лежа уже в постели, что-то шептал. На мой вопрос он ответил: «Это молитва, знаешь, молитвы бывают очень хорошенькие, как стихи».

Еще со времени моей первой эмиграции родители начали выезжать за границу. Они были у меня в Париже, затем приезжали в Вену с моей старшей девочкой, которая жила у них в деревне. В 1910 г. они прибыли в Берлин. К этому времени они уже окончательно примирились с моей судьбой. Последним тяжеловесным доводом была, пожалуй, моя первая книга на немецком языке. Мать была тяжкобольна (actino-micosis). Последние десять лет своей жизни она несла свою болезнь как дополнительный груз, не переставая работать. Ей удалили в Берлине почку. Матери было шестьдесят лет. В первые месяцы после операции она расцвела. Случай этот приобрел довольно широкую известность в медицинском мире. Но болезнь скоро вернулась и в несколько месяцев унесла ее. Она умерла в Яновке, где провела свою трудовую жизнь и где вырастила детей.

...Мой заработок в «Киевской мысли» был бы вполне достаточен для нашего скромного существования. Но бывали месяцы, когда работа для «Правды» не давала мне возможности написать ни одной платной строки. Тогда наступал кризис. Жена хорошо знала дорогу в ломбард, а я не раз распродал букинистам книги, купленные в более обильные дни. Случалось, что наша скромная обстановка описывалась на покрытие квартирной платы. У нас было двое маленьких детей и не было няни. Наша жизнь ложилась двойной тяжестью на мою жену. Но она еще находила время и силы помогать мне в революционной работе.

Из писем А.Л. Соколовской Л.Д. Троцкому

6.03.1913

Мой дорогой друг!

Несколько времени тому назад я написала тебе через «Киевскую мысль»²⁸ (г-ну Антиду Ото²⁹), не зная твоего адреса. Письмо послала заказным.

Получил ли ты его? Теперь Бетя³⁰ мне сообщила твой венский адрес. Кажется, это прежний твой.

Страшно хочется узнать о тебе и вообще побеседовать на разные темы. Сюда получается и «Киевская Мысль» и «Луч»³¹ (то же и «Правда» и много других органов), и я знаю по ним о тебе. И с великой радостью я всегда читаю твои статьи. Сколько в них свежести и темперамента... И это не личное мое только мнение. Все ссыльные, вплоть до самых твердокаменных большевиков, отмечают их и рекомендуют друг другу. Жаль только, что мало ты пишешь. <...> Живу здесь уже три месяца. Успела порядком и давно отдохнуть после этапного хождения. Много читаю. Здесь книг довольно много. Есть и новинки. Пришла недавно книга Гельфердинга «Промышленный капитал», [так] Твой ли это знакомый?³²

Здесь все много работают. Народ все хороший. Случайного элемента почти нет. Повторяю, жить можно. А все-таки тоска страшная. Пиши, родной, о своем здоровье, и вообще, что и как там у тебя. Мне Бетя писала, что ты не то собрался мне писать, не то писал... Я не совсем поняла. Во всяком случае, я ничего, никаких писем от тебя не получила и знаю о тебе единственно по твоим газетным статьям. Недавно Нинушка³³ была больна дифтеритом. Хотя я узнала об этом, когда опасность миновала, но все же и одного сознания, в какой она была опасности, достаточно было. Зинушка³⁴ тоже все хворает. Эх, мои милые деточки! Как ты нашел Зину?³⁵

Знаешь ли ты что-нибудь об Адольфе Абрамовиче?³⁶ Ему-то досталась лучшая часть...

Будь здоров, мой друг, и пиши. Как всегда, жду твоего письма с нетерпением.

Адрес: Яренск Вологодской губернии. Мне. <...>

Всего хорошего.

Саша

Одесса, 21.12.1913

Дорогой друг мой! Все посланное тобой получила. Сегодня у меня большой праздник. Все, о чем я так много думала, осуществляется. Предложение не только принимаю, но даже не могу представить для себя чего-нибудь лучшего³⁷. Стоять около дела, которое мне так

²⁸ Газета «Киевская мысль» выходила с 1906 по 1918 г. По свидетельству Троцкого, «Киевская мысль» «была самой распространенной на юге радикальной газетой с марксистской окраской» (Моя жизнь. С. 225). В ней он в 1912–1913 гг. печатался под псевдонимом Антид Ото.

²⁹ Как вспоминает сам Троцкий, этот литературный псевдоним был выбран им в 1900 г. в Усть-Куте так: он раскрыл наобум итальянско-русский словарь, увидел слово antidoto («противоядие») и сделал из него Антида Ото.

³⁰ Неустановленное лицо.

³¹ «Луч» – ежедневная меньшевистская газета.

³² Гильфердинг Рудольф (1877–1941) – один из лидеров австрийской и германской социал-демократии и II Интернационала; автор знаменитой книги «Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма» (Берлин, 1910; рус. пер.: М., 1912). Троцкий писал о нем без пietetа.

³³ Нина находилась тогда не с матерью, а, скорее всего, у ее родителей. (Примеч. авт.)

³⁴ Вероятно, Зина долгое время жила в Яновке у отца ЛД (его мать умерла в 1910-м). (Примеч. авт.)

³⁵ Родители ЛД не раз привозили Зину к нему в Вену. (Примеч. авт.)

³⁶ Иоффе А.А.

³⁷ Фраза подчеркнута Троцким красным карандашом. Видимо, речь идет о предложении для Соколовской работать в

близко... К сожалению, есть некоторые «но»... Дело в том, что немедленно я не могу поехать³⁸. Свое акушерское свидетельство я уже получила наконец; но его нужно обменять на диплом в Киеве. Теперь наступают праздники, и канцелярии не работают. Все делается в канцеляриях так медленно, черт возьми! Когда я получила свидетельство, нужно было еще, чтобы врачебный инспектор его подписал. А он возьми да и уедь больше недели в Питер. И так все. После диплома надо будет еще с полицией возиться: выключить себя из сословия мещан. Вот и рассуди положение вещей! Ты просишь, чтобы я ответила по существу сделанного предложения, по крайней мере в принципе. Поэтому я и решила дать утвердительный ответ, хотя и не могу сейчас же поехать. Больше того, я бы тебя очень просила сделать все возможное (если тебе это не неудобно), чтобы я могла быть у этого дела. Я себя чувствую сейчас столь бодрой и здоровой, что готова работать сколько угодно, только бы около дела по душе. А это дело мне симпатично во всем своем существе. <...>

Почему, друг мой, так долго не писал? Почему не ответил на деловое, посланное заказным, письмо? Этому уже скоро год минет... Как мне необходимо было знать твою позицию. Я, конечно, не ошиблась насчет нее. Если бы нас разделяли пространства и годы [так], я уверена – никогда не ошибусь в оценке твоего отношения к тому или иному вопросу. Но это я знаю для себя, а мне нужно было твое имя, как моральная поддержка для других. Как я рада за тебя, что будешь иметь где приложить свои силы. Сколько мучений доставляло мне сознание, что не к чему тебе рук приложить, и твое вынужденное молчание. Нужно было видеть, как вороны выклевывали нашу партийную душу, а человек, каждое выступление которого столь ценно, не имеет возможности проявить себя... Как давно нужно было сделать то, что сделано сейчас. Повторяю, сегодня у меня большой праздник... <...> А здесь точно кто подслушал мои некоторые мысли. Даже странно как-то. Кто будет сотрудничать? Ну, пока довольно. На твое протокольно-сухое письмо я и то ответила слишком непринужденной болтовней. Напиши, получил ли это письмо. Будь здоров.

организуемом Троцким журнале «Борьба», издание которого готовилось в Петербурге.

³⁸ Причиной задержки, скорее всего, служило отсутствие документов, необходимых евреям для проживания в столице империи. (За пределами «черты оседлости» могли проживать только купцы первой и второй гильдии, люди с высшим образованием, а также ремесленники.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.